

ЗАКОНЪ ИНЕРЦІИ ВЪ ВОЕННОМЪ ДѢЛѢ.

Всѣмъ извѣстенъ этотъ законъ природы, по которому каждое тѣло безъ участія внѣшней силы не перемѣняетъ того состоянія покоя или движенія, въ которомъ находится. По тѣсной связи у человѣка физической природы съ духовною стороною его жизни этотъ законъ инерціи властно господствуетъ надъ нашею дѣятельностью и часто тормозитъ самыя искреннія стремленія къ улучшеніямъ и болѣе цѣлесообразнымъ мѣропріятіямъ, обманывая даже насъ самихъ, втянувшихъ въ извѣстныя привычки и методы работы.

Разсуждая по аналогіи, мы должны придти къ заключенію, что и военное дѣло не можетъ миновать дѣйствія этого закона, и опасеніе перехода къ новому должно во многомъ задерживать цѣлесообразное развитіе и направленіе дѣла; а потому слѣдуетъ внимательно разыскивать эти недомолвки и дополнять недостающее въ довершеніи разъ принятаго намѣренія.

Принадлежа къ специальности къ кавалеріи, мы въ этой области и считаемъ долгомъ подѣлиться съ читателями нѣкоторыми сомнѣніями и выведенными изъ практики заключеніями.

Вглядываясь въ годовой кругъ работы кавалерійскихъ частей, невольно поражаешься необычностью ея хода, не встрѣчающеюся ни въ какой другой дѣятельности: зимою мы забываемъ то, чему

училисъ лѣтомъ, а лѣтомъ разучиваемся въ томъ, что съ большою затратою энергіи совершенствовались зимою.

Возьмемъ, напримѣръ, обученіе солдата. Послѣ зимней работы съ новобранцами они, какъ вполне готовые къ фронту, поступаютъ въ строй, упражняются въ немъ все лѣто; части получаютъ благодарности; осенью на маневрахъ все идетъ благополучно (исключая, однако, случаевъ недостаточной развѣдывательной споровки), проходятся нерѣдко пересѣченныя мѣстности на быстрыхъ аллюрахъ; падающіе всадники — рѣдкія исключенія. И, вотъ, по возвращеніи на зимнія квартиры, всѣ начинаютъ повторять заученную привычную фразу: «Разболтались молодые солдаты; надо ихъ подтянуть; надо ихъ гонять и гонять».

И начинается для нихъ и даже для старослужащихъ — манежъ и мапежъ, заставляющій постепенно забывать все, что приобрѣтено было лѣтнею полевою работою. Рѣдкія зимнія упражненія въ строю и въ полѣ сводятся большею частью «на-цѣть», и даже вызываютъ къ себѣ враждебное настроеніе, какъ непривычная зимою вещь, мѣшающая главному дѣлу — манежу. Лошади совершенно отвыкаютъ отъ движенія, такъ какъ при обиліи числа смѣнъ имъ приходится дѣлать самое большое — $\frac{3}{4}$ часа въ сутки, жирѣютъ отъ бездѣйствія и неминуемо страдаютъ и подрываются въ силахъ при переходѣ весною къ усиленнымъ движеніямъ, каковой переходъ въ массѣ невозможно подогнать къ той постепенности, съ какою тренируютъ одиночныхъ лошадей; да и — некогда, ибо полевое дѣло, запущенное за зиму, не ждетъ.

Намъ по личному опыту кажется, что, совершенно наоборотъ, — лѣтомъ люди укрѣпляются на лошади, а разбалтываются они зимою, добиваясь требуемой лекальной, условной посадки, внѣ зависимости отъ соответствія сѣдока той лошади, на которую онъ посаженъ.

Возьмемъ теорію посадки.

Сѣдокъ сгибающимися въ колѣняхъ ногами обхватываетъ округлость туловища лошади. Изъ этого слѣдуетъ, что впадина колѣннаго сгиба должна приходиться противъ мѣста наибольшей выпуклости туловища. Это — въ родѣ математической даже истины. Затѣмъ — ясно, что при ѣздѣ человѣка на лошади нога перваго будетъ имѣть непреодолимое и цѣлесообразное стремленіе къ упомянутому прилаживанію колѣнной впадины къ выпуклости туловища, а возможная красота посадки, не вредящая крѣпости послѣдней, будетъ

зависѣть единственно отъ соотвѣтствія толщины лошади — длинѣ верхняго шенкеля: отъ бедра до колѣна, при правильной, конечно, пригонкѣ стремянь.

Слѣдовательно, такъ называемое разбалтываніе молодого солдата за лѣто сводится къ тому, что, при невниманіи къ пригонкѣ стремянь на лѣтнихъ строевыхъ занятіяхъ и къ подбору лошади на всаднику, нога его, ища непринужденнаго и прочнаго соприкосновенія съ лошадыю, принимаетъ непріятную для глаза форму изгиба. Стѣить ли изъ-за этого засаживать сѣдока въ манежъ, разучивать его въ главномъ дѣлѣ — полевой работѣ, отучать лошадей отъ движенія вообще, а въ полѣ — въ особенности, тогда какъ все это въ интересахъ готовности къ мобилизаціи составляетъ важный факторъ? Да и, сверхъ того, обреченіе спины лошади во всю зиму на испытаніе четырехпудовымъ толкачемъ, отъ котораго она за лѣто при облегченной рыси отвыкла, составляетъ тоже не малую величину въ дѣлѣ сохраненія спинъ лошадей.

Не лучше ли обратить большее вниманіе на правильную пригонку стремянь при лѣтнихъ занятіяхъ и на строгій подборъ лошади по всаднику, а затѣмъ примириться съ полученной при этомъ вѣрной, прочной, хотя и нѣсколько разнообразной посадкой? Подъ вліяніемъ предвзятыхъ взглядовъ условной красоты, достиженію коей посвящена вся зимняя наша конная работа, даже развился и вошелъ въ привычку какой-то непреложный взглядъ на необходимость различія зимняго и лѣтняго тѣла лошадей: искусственное привитіе зимней спячки къ животному, которое вовсе не имѣетъ этой черты въ своей природѣ, и должно, естественно, страдать отъ такихъ экспериментовъ. Скорѣе бы зимнимъ холодкомъ слѣдовало пользоваться для развитія мускуловъ лошади и приобрутенія ими потребной вамъ силы и выносливости, а не начинать это весною, когда лошадь слабѣетъ отъ линянія и перехода къ разслабляющему теплу. Да и не является ли эта слабость при линянїи результатомъ зимняго упадка мускульной силы отъ бездѣйствія?

Обратимся теперь къ ущербамъ, наносимымъ лѣтними занятіями, коневому составу.

Лошади, дѣйствительно, за лѣтнія занятія задерживаются. Съ одной стороны это происходитъ отъ установившейся привычки управлять главнымъ образомъ посредствомъ повода. Шенкеля стоять на болѣе отдаленномъ планѣ, а управленіе при помощи наплота тѣла совершенно отсутствуетъ. Привыкнуши орудовать лошадыю исключительно посредствомъ повода, солдатъ при фронто-

выхъ и маневренныхъ упражненіяхъ такъ виситъ на поводѣ и такъ грубо имъ распоряжается, что къ концу лѣтнихъ сборовъ поводъ становится совершенно одеревенѣлымъ; заботиться же и напоминать о поводѣ во фронтѣ не принято: это, молъ, — зимнее дѣло. Съ другой же стороны, главное орудіе нашего управленія лошадыю — мундштукъ имѣетъ слабую сторону, которою конь ловко пользуется, и, задирая голову кверху, вполне парализуетъ его дѣйствіе, какъ рычага, причѣмъ онъ не оказываетъ никакого дѣйствія на десны.

Такъ что ко времени осеннихъ маневровъ приходится сомнѣваться въ томъ, что лошадь управляется главнымъ образомъ мундштукомъ, а не трензелемъ. Это лѣтнее задерживанье лошадей требуетъ, дѣйствительно, исправленія. Но необходимо ли для того бросать полевую практику и отлагать до будущаго лѣта детальное исправленіе тѣхъ погрѣшностей полевого дѣла, которыя обнаруживались на маневрахъ?

Исправленіе задержанности достигается прежде всего ѣздою на уздечкахъ: самое лучшее всегда — заставить лошадь забыть свои неблагоприятныя для насъ привычки. Но развѣ нельзя производить полевыхъ домашнихъ занятій на уздечкахъ?

Мы знаемъ, что для молодыхъ даже лошадей, приучаемыхъ къ мундштуку, рекомендуются полевая проѣздки по прямому направленію; тѣмъ болѣе это примѣнимо къ старымъ лошадямъ, отвыкшимъ за лѣто повиноваться мундштуку. Двигаясь спокойно колонною разными аллюрами, командиръ эскадрона и взводные командиры имѣютъ полную возможность слѣдить за управленіемъ лошадями и приучать солдатъ беречь поводъ въ строю, а не только въ манежѣ, какъ теперь дѣлается по привычкѣ къ раздѣленію этихъ двухъ взаимно исключającychъ отдѣловъ воспитанія кавалерїи. Въ колоннѣ могутъ быть сосредоточены болѣе дурноѣзжія и требующія наблюденія лошади, а лучшія пойдутъ въ разѣзды и на прочую полевую одиночную работу. Наконецъ, если начальнику части желательно поупражнять людей въ поворотахъ, вольтахъ, соскакиваньи и вспрыгиваньи на лошадей и въ прочихъ одиночныхъ манежныхъ эволюціяхъ, развѣ онъ не можетъ воспользоваться по пути свободнымъ отъ поѣздовъ мѣстечкомъ (а таковыя должны быть доподлинно извѣстны во всякое время развѣдчикамъ, или — найдены высланными разѣздами) и, разсыпавъ людей, заставить ихъ ѣздить въ одиночку и продѣлывать все манежное. Лошадей, требующихъ большаго вниманія, онъ можетъ вызывать

ближе къ себѣ и провѣрять работу на нихъ всадника. Эти упражненія врознь хороши уже тѣмъ, что многіе повороты дѣлаются не впусую, а съ обозначенною цѣлью: прохожденія мимо встрѣчнаго всадника, уклоняясь отъ встрѣчи съ нимъ, обхода какой-нибудь ямы, рывины. Тутъ развивается глазъ и лошади, и всадника и подготавливается умѣніе сдержанно и бережливо дѣйствовать поводомъ и во фронтѣ. Если мы признаемъ необходимость обозначеннаго противника для фронтовыхъ и тактическихъ упражненій, отчего же не допустить этой необходимости при одиночныхъ эволюціяхъ гимнастическаго характера? Съ теченіемъ времени на такихъ подходящихъ, переменныхъ мѣстахъ окрестныхъ полей можно производить что нибудь изъ уставныхъ построеній эскадроннаго ученія, а при нѣсколькихъ эскадронахъ и — полкового, съ тѣмъ же наблюдениемъ за сохранностью повода. Затѣмъ при участіи обозначеннаго противника, высланнаго раньше и сдѣлавшаго засаду или скрытное движеніе, можетъ быть разыграно и поучительное тактическое упражненіе. Въ такомъ же родѣ должны быть и смотры начальства, которое при неожиданномъ даже появленіи можетъ провѣрить занятіе, поѣхавъ по слѣдамъ ушедшей въ поле части, долженствующей для связи съ казарменнымъ расположеніемъ принять обычныхъ мѣры. Начальство и провѣритъ эту связь, а также и степень знакомства начальниковъ частей съ окрестностями, съ подходящими для упражненія лошадей препятствіями; провѣритъ ориентировку въ полѣ развѣдчиковъ и знаніе ими разныхъ полевыхъ столь необходимыхъ намъ сноровокъ.

Полагаемъ, что польза такихъ упражненій, поставленныхъ въ роль настоящихъ зимнихъ занятій, а не сводимыхъ «на-нѣтъ» придаточныхъ къ манежу работъ, будетъ громадная въ интересахъ современнаго направленія требованій, предъявляемыхъ конницѣ.

И офицеры, и люди, и лошади будутъ въ полѣ — какъ дома. Сколько по дорогамъ, полямъ и лѣсамъ находится разныхъ препятствій: канавъ, сваленныхъ деревьевъ, низкихъ кустарниковъ, которыя при такой работѣ будутъ извѣстны частямъ и могутъ служить при должномъ выборѣ къ постепенному приученію лошадей и людей брать настояція, разнообразныя препятствія, а не заученные манежные и плацовые барьеры и канавки! Сколько цѣлей для работы и развитія наблюдательности посланныхъ на розыски людей, а также для развитія полевой памяти и способности опознаванія себя относительно разъ замѣченныхъ предметов! Тогда не будутъ укорять и нашего кавалерійскаго офицера въ томъ, что онъ

осенью и зимою почти совсѣмъ не ѣздитъ верхомъ. Простоявши на холодѣ въ манежѣ почти безъ движенія, занятый гонаніемъ многочисленныхъ смѣнъ, въ продолженіи всего утра, не очень-то разохотишься ѣхать еще и въ полевую прогулку; да и надо же пообѣдать, а послѣ обѣда есть еще и казарменные занятія. Мы думаемъ, что всякій кавалеристъ предпочелъ бы пассивному холодацію и топтанію на мѣстѣ въ манежѣ — бодрящую, согрѣвающую полевую поѣздку на своемъ конѣ, со своею частью для интересной цѣли: разыскать товарища, устрояющаго ему засаду, или намѣревающагося перехитрить его въ пользованіи мѣстностью. Своего рода занимательная игра, только не на бездушномъ, бумажномъ планѣ, а среди живой природы. Совсѣмъ другой подъемъ духа является среди полевой работы; и самое ненастье, пугающее челоуѣка при взглядѣ въ окно, несносное при стояніи въ манежѣ, дѣлается малозначущимъ послѣ добраго реприза рысью въ полѣ. Въ очень сильное холода и теперь вмѣсто манежной ѣзды дѣлаются поѣздки. Обиліе снѣга въ сѣверныхъ губерніяхъ не помѣха: дороги всегда имѣются, а всякая даже простая поѣздка съ развѣдкою только по дорогамъ полезна для нашего дѣла, чѣмъ ѣзда въ манежѣ. Да и если признается фактъ необходимости зимнихъ дѣйствій даже съ артилеріей, то неужели для приученія къ тому достаточны тѣ дватри болѣе серьезныхъ упражненія, которыя продѣлываются иногда зимою? Если зимнія дѣйствія необходимы, то надо въ нихъ зимою же и упражняться ежедневно съ должною постепенностью.

При новой, полевой обстановкѣ зимнихъ занятій кавалеріи наши кровныя офицерскія лошади не будутъ тучнѣть отъ полчасовыхъ поѣздокъ подъ вѣстовыми, совершенно отвыкая отъ работы, и не будутъ такъ страдать отъ выпадающихъ иногда на ихъ долю случаевъ обязательнаго участія въ серьезной работѣ частей, каковая при невтянутости лошади въ усиленные движенія надрываетъ ее и разбиваетъ на ноги. Тогда измѣнится опытомъ и взглядъ офицера на способъ сбереженія своей лошади, и онъ не будетъ ее устранять отъ специально-кавалерійскихъ и всякихъ другихъ поѣздокъ, оставляя ее дома на конюшнѣ, или отъ болѣе сложныхъ маневровъ, оставляя ее въ заводу съ обозомъ. Сколько мы можемъ насчитать ослабѣвшихъ на ноги складныхъ, кровныхъ лошадей, какъ результатъ такого пассивнаго способа сбереженія лошади!

Постоянная зимняя полевая работа (въ предѣлахъ, конечно, силъ коня и всадника) сократитъ потребность уставныхъ плацевыхъ занятій весною и лѣтомъ и дастъ возможность при болѣе удоб-

ной лѣтней обстановкѣ расширить полевую практику во всѣхъ ея отрасляхъ, не жертвуя иногда днями, назначенными росписаниемъ для упражненія въ этихъ отрасляхъ, на достиженіе уставныхъ, парадныхъ эффектовъ. Ровненскій, привычный плацъ тоже серьезный врагъ современной конницы. Какъ ни твердо и рѣшительно направляется совершенствованіе нашей конницы въ духъ полевыхъ потребностей, а есть еще поклонники равненія и затылковъ, которые готовы цѣлые часы посвящать достиженію микроскопической точности равненія и затылковъ. А между тѣмъ достигнутое такими способами равненіе живо разлетается, какъ только часть, усердствовавшая на плацу, попадаетъ въ маневренную обстановку неувѣренности, возбужденія, неожиданныхъ комбинацій противника, неожиданныхъ видоизмѣненій мѣстности и поставляемыхъ ею иногда препятствій. Пошли тогда—атаки пакетами, несдержанность головныхъ, или направляющихъ частей, разсыпаніе отставшихъ и догоняющихъ: однимъ словомъ, полная противоположность тому, что всѣ видѣли на плацу. Не даромъ говорится, что «всякая амуниція любитъ репетицію». А потому, чтобы въ полѣ при маневренной обстановкѣ всѣ движенія были стройны и спокойны, надо въ таковой же исключительно и сколачивать части, начиная съ маленькихъ, всѣми мѣрами пользуясь живою, такъ сказать, обстановкою, а не ставя, напримѣръ, два флага на ровномъ плацу для изображенія дефила и заставляя черезъ него разворачиваться, тогда какъ неподалеку есть настоящее дефила.

Работая зимою въ упомянутомъ направленіи полевого характера и расширяя это испытаніе полевыхъ дѣйствій на уздечкахъ, или трензеляхъ, мы, можетъ быть, придемъ къ рѣшенію, что мундштукъ не такъ ужъ необходимъ для нашего строя, что это орудіе потребно для застоявшихся, мало усмиранныхъ лошадей; что онъ для лошади—та же палка, которую считали когда-то основою поддержанія дисциплины и ожидали полного упадка службы при ея отмѣнѣ. Однако же время и опытъ показали, что есть другіе, хотя и болѣе сложные, но за то и болѣе осмысленные, болѣе берегающіе душу и тѣло элементы воздѣйствія на человѣка для достиженія потребной дисциплины. Отмѣнится мундштукъ—начнутъ обращать больше вниманія на устраненіе застоялости, на прирученіе и усмиреніе лошади, на управленіе ею шенкелями и наклономъ тѣла, не злоупотребляя строгостью повода. Мы знали одного начальника, который для развитія лихости заставлялъ людей не-

стись мимо него карьеромъ, или скакать черезъ препятствія съ брошеннымъ поводомъ, продѣлывая руками гимнастику. Намъ кажется, что при обученіи въ манежѣ молодыхъ лошадей и новобранцевъ слѣдуетъ требовать того же: бросанія иногда повода и управленія одними шенкелями и движеніями тѣла всадника. По опыту знаемъ, что къ этому очень не трудно приучить лошадей, и даже гораздо легче, чѣмъ переучивать молодыхъ лошадей съ управленія уздечкой, гдѣ она идетъ въ сторону натягиваемаго повода, на управленіе мундштукомъ, при которомъ требуется совершенно обратное: поворотъ на-право дѣлается, напримѣръ, натягиваніемъ лѣваго повода, вслѣдствіе обычнаго при этомъ подаванія кулака съ поводьями вправо. И добрый нашъ товарищъ-конь приучается и къ этимъ противоположнымъ требованіямъ. Приемы же обученія ѣздѣ съ брошеннымъ поводомъ совершенно тѣ же, что и всѣмъ кавалеристамъ извѣстные приемы переучиванья молодой лошади съ уздечки на мундштукъ. Во всякомъ случаѣ, отмѣнится ли мундштукъ, или останется, мы будемъ имѣть въ прирученіи людей управлять лошадыми болѣе шенкелемъ и наклономъ тѣла всадника еще одинъ способъ парализованія лѣтняго задергиванья лошадей; и способъ, можно сказать, положительный, если сравнить его съ тѣмъ отрицательнымъ, который заключается въ ѣздѣ зимою на уздечкахъ только для того, чтобы заставить коня забыть свои приспособленія къ парализованію дѣйствія мундштука и дать отойти его одеревенѣвшимъ деснамъ.

Такимъ образомъ манежъ останется только для обученія молодыхъ солдатъ и молодыхъ лошадей. Обученіе въ немъ должно быть сосредоточено главнымъ образомъ на изученіи болѣе удобнаго и не раздражающаго лошадь управленія шенкелями и наклономъ тѣла, сберегая на сколько возможно мягкость повода и развивая въ людяхъ привычку беречь послѣдній. Увлеченіе сомнительными успѣхами въ боковыхъ движеніяхъ и въ приданіи шеямъ лошадей большей подбористости и чисто условной красоты поставка ведетъ только къ злоупотребленію и поводомъ и другими вспомогательными средствами карательнаго свойства: хлыстомъ, бичомъ, развязкою, стремящимися лѣпить изъ лошади, какъ изъ глины, желательныя для глаза формы. Вся эта инквизиція въ соединеніи со стремленіемъ поскорѣе подвести сырыхъ еще лошадей подъ одинъ уровень подѣздки въ общихъ смѣнахъ, не разбирая степени ихъ дикости и способности къ воспріятію преподаваемаго—ведетъ къ тому, что нѣкоторый процентъ дурноѣзжихъ лошадей не исче-

заетъ въ кавалерійскихъ частяхъ, составляя имъ только излишнее бремя.

Словъ нѣтъ, что весьма пріятно наслаждаться картиною артистически искуснаго ѣздока, гарцующаго на тонко выѣзженной лошади, легко выдѣлывающей разные репризы высшей ѣзды; но такіе ѣздоки формируются многими годами посвященія себя исключительно такой специальности, да и лошадь должна отличаться подходящими къ тому физическими качествами. Между тѣмъ прельщенные этими картинами, попавъ въ кавалерійскую строевую часть, увлекаются стремленіемъ пересадить это манежное искусство въ ряды кавалерійскаго строя, причемъ для нихъ стужеваются всѣ тѣ условія, по которымъ при краткосрочномъ солдатѣ и при серьезныхъ полевыхъ требованіяхъ невозможно въ одно и то же время достигнуть должнаго успѣха и въ манежѣ, и въ полѣ. Приверженность къ манежу стараются оправдать тѣмъ соображеніемъ, что лошади необходимо дать гимнастическое развитіе, гибкость, поворотливость. Но разъ начала этого даны въ первый годъ нахождения лошади на службѣ — отчего не продолжать дальнѣйшаго совершенствованія въ полѣ? Въ 2—3 часа разнообразной, умѣренной полевой ѣзды сдѣлаешь и въ поворотливости и въ уравновѣшенности гораздо болѣе, чѣмъ въ полѣ или три четверти часа манежной, гдѣ для достиженія того же результата надо прилагать усиленные дѣйствія повода, хлыста, шноръ, скорѣе разрушающія лошадь, чѣмъ ей помогающія, въ особенности если принять въ соображеніе большое несовершенство краткосрочнаго солдата, какъ манежнаго ѣздока и берейтора. Возьмемъ для наглядности рабочаго, носящаго тяжести на спинѣ. Кто его училъ наклоняться впередъ, именно, настолько, насколько это необходимо для уравновѣшенія, и при этомъ давать всѣмъ частямъ своего тѣла то положеніе, при которомъ работа наиболѣе удобна и наименѣе разрушительна для организма? Сама природа и физическій опытъ жизни приводятъ его къ наилучшимъ положеніямъ тѣла при той, или другой работѣ. То же вполне примѣнимо и къ лошади. Разъ она получаетъ извѣстную тяжесть на спину, то по выработанному физическимъ опытомъ мускульному инстинкту она принимаетъ сама наилучшійшее для нея положеніе всѣхъ частей тѣла и вырабатываетъ его для разныхъ родовъ движенія. Была раньше теорія разныхъ помощей лошади для прыжка черезъ препятствія: теперь оказалось, что всѣ эти помощи только мѣшаютъ ей; для успѣха же прыжковъ надо давать ей частое и постепенное упражненіе въ нихъ и только не мѣ-

шать ей несоотвѣтствующими движеніями тѣла всадника. Совершенно тоже имѣетъ мѣсто и при первоначальномъ освоеніи лошади съ тяжестью сѣдока на различныхъ движеніяхъ. И всѣ хитроумныя, заграничныя теоріи о необходимыхъ какихъ-то сгибахъ шеи для выгиба спины, противодѣйствующаго тяжести, о подведеніи зада, о приемахъ для сгиба въ ребрахъ: все это — больше для насыщенія нашего глаза, ищущаго условной красоты формъ и движеній. И вѣдь, сколько здѣсь противорѣчій! Говорятъ, напримѣръ, что желательнее бы перенесете большей тяжести на передъ лошади, такъ какъ поясница ея слабѣе переда; а въ то же время разрушаютъ ее этими насильственными уравновѣшиваньями и подведеніями зада, необходимыми развѣ только для цирковыхъ упражненій, кадрилией, турпировъ, отъ каковыхъ такъ далеки требованія полевой работы и фронтальнаго шока. Или, напримѣръ, констатируется, что въ одной изъ заграничныхъ кавалерійскихъ школъ дурноѣзжія, не поддававшаяся манежнымъ ухищреніямъ, лошади успокаивались и исправлялись отъ полевой ѣзды: а манежъ, все-таки, остается, какъ несокрушимая скала на пути.

Вспомнимъ, какъ наши даже недоѣзженныя лошади моментально останавливаются, или также поворачиваются назадъ, когда это имъ захочется самимъ, или что-либо ихъ испугаетъ. Значитъ, онѣ могутъ прекрасно все это выполнить съ точки зрѣнія механической способности, о которой такъ хлопчутъ теоретики, и остается только приучить коня къ тяжести тѣла и къ пониманію нашихъ средствъ управленія имъ. А это достигнется гораздо успѣшнѣе и безвреднѣе полевой, болѣе постепенною и продолжительною работою, чѣмъ короткими, насильственными упражненіями въ манежѣ, да еще и подъ ѣздоками, далекими отъ берейторскаго искусства.

А, если прибавимъ къ этому, что при полевой работѣ многія движенія и повороты лошади имѣютъ дѣйствительную цѣль преодоленія или обхода препятствій, неровностей, развивая ея глазъ и соображеніе и дѣлая изъ нея болѣе сознательнаго помощника сѣдоку, который при этомъ можетъ болѣе сосредоточиваться на данныхъ ему задачахъ наблюденія и развѣдыванія, то выгода полевой работы для довершенія необходимой строевому коню уравновѣшенности и поворотливости станетъ, кажется, очевидною, не говоря уже о пользахъ съ точки зрѣнія подготовленности къ войнѣ.

Между тѣмъ зима проходитъ теперь въ почти безплодной тратѣ времени на то, чтобы далеко не опытный манежный ѣздокъ, краткосрочный солдатъ, наламывалъ лошадь на манежный галопъ, бо-

ковья движенія, повороты на задѣ, что трудно достается простецкому степному строенію формъ коня. А сколько труда и силъ къ этому прилагается! Больше успѣха въ этомъ направленіи можемъ видѣть въ командахъ специальныхъ, составленныхъ изъ самыхъ ловкихъ людей и подходящихъ лошадей; но, право, больно смотрѣть, когда этотъ цвѣтъ нашего воинства и надежда военного времени, эти способные люди: развѣдчики, конно-саперы, учебныя команды, вмѣсто того, чтобы витать въ полѣ, въ лѣсу по оврагамъ, долинамъ, дѣлаясь тамъ всезрячимъ, неуловимымъ, быстрымъ окомъ нашей арміи и пугаломъ для противника — добиваются курць-галоповъ, приниманій, пируэто-образныхъ поворотовъ, на тѣсномъ, выглаженномъ четырехугольникѣ! Въ результатѣ и выходитъ картинка съ натуры: все хорошо было; и за ѣзду зимою благодарили, и на строевыхъ ученіяхъ лѣтомъ съ равненіемъ и затылками и перестроеніями благополучно было; а, вдругъ, въ концѣ специального сбора при двухстороннемъ маневрѣ на весьма необширномъ районѣ и при несложномъ рельефѣ мѣстности — засаду противника вблизи дороги просмотрѣли! Это наводитъ уже и на печальныя размышленія. А причиною тому — зимняя ѣзда въ манежѣ, навязываемая намъ традиціями прошедшаго, вѣвшихъ въ наши привычки.

Блестящіе успѣхи нашей естественной конницы въ Отечественную и въ предшествовавшія ей войны показали ясно, что для ловкой и успѣшной полевой работы манежъ не составляетъ необходимости. Но мы отъ этой конницы пики-то переняли, а въ обученіи кавалеріи пошли по пути манежныхъ, церемоніальныхъ, плацъ-парадныхъ эффектовъ на утучненныхъ коняхъ, истинныхъ страдалцахъ при переходѣ къ полевой обстановкѣ военного времени.

Благодаря современнымъ руководителямъ, мы вступили на испытанный плодотворный путь совершенствованія нашей конницы. Но этотъ остатокъ увлеченія манежемъ все еще мѣшаетъ свободѣ нашихъ движеній по тому пути, слѣдуя которому, какъ говорится, отъ сердца, мы достигнемъ результатовъ, при коихъ намъ не будутъ страшны ни пики, ни рогатыя колонны, ни прочія изобрѣтенія мирнаго времени и теоретическихъ вождельній. Какъ ни стараются загладить, признаваемый открыто, вредъ манежа введеніемъ въ него разнообразія умеренной ѣзды съ различными сочетаніями движеній номеровъ, но всѣ эти сочетанія вскорѣ становятся знакомыми, привычными и исполняются также машинально, какъ и обыкновенные «вольты», далеко не давая той

пользы, того вызывающаго вниманія неожиданнаго разнообразія дѣйствительныхъ потребностей, которыя даются полевой работой. Палліативныя мѣры не исцѣляютъ, и чтобы манежъ не уничтожалъ пріобрѣтеній нашей полевой практики и не сводилъ «напѣть» тѣхъ рѣдкихъ зимнихъ маневренныхъ упражненій, которыя положены теперь, надо на мѣсто манежа поставить для зимы, какъ главное занятіе, полевую работу въ мѣрѣ, конечно, силъ лошади и человѣка. Тогда и явится ощутительный результатъ въ сохраненіи и накопленіи пріобрѣтаемыхъ полевыхъ сноровокъ и въ детальномъ исправленіи замѣченныхъ лѣтомъ при маневрахъ несовершенствъ въ полевой работѣ. Пока же на главномъ мѣстѣ зимнихъ занятій будетъ стоять манежъ — полевая работа зимою будетъ только на бумагѣ и къ ней не приложится того усердія и тѣхъ размѣровъ, кои обуславливаютъ совершенствованіе дѣла.

Поставивъ полевую работу главнымъ предметомъ зимняго періода занятій, мы какъ бы удвоимъ продолжительность срока службы нашего кавалериста, если взять мѣрною количество пріобрѣтаемой, необходимой намъ, полевой оытности. Нужно ли говорить, что эта сторона вопроса весьма важна?

Старый драгунъ.

